

ФЕМИНИТИВЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИАХРОННЫЙ И СИНХРОННЫЙ АСПЕКТЫ

Ольга ПОПОВ, студентка, филологический факультет,
Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо

Научный руководитель: Фёдор ГОРЛЕНКО, доктор, преподаватель

Rezumat: *Articolul este dedicat studiului tendințelor în formarea feminivelor și reprezentarea lor în sistemul limbii ruse pentru a determina cele mai productive modele de derivare a nominalizărilor marcate de gen în uzus. Extrase din ficțiuni, publicațiile socio-politice au fost luate ca materiale pentru studiu. Relevanța studiului se datorează schimbărilor sociale care au marcat secolul al XX-lea și au servit drept punct de plecare pentru diseminarea activă a nominalizărilor deja existente ale femeilor în funcție de apartenența profesională și producerea de noi unități lingvistice ca modalitate de combatere a asimetriei de gen.*

Cuvinte-cheie: *lingvistică de gen, asimetrie de gen, androcentrism, derivare, feminine.*

Характеризуя XX век с точки зрения достижений феминизма второй волны, можно высказать мысль о том, что социальный строй претерпел серьёзные изменения. В результате борьбы с гендерным неравенством женщины сумели получить доступ к ранее недостижимым сферам общественной жизни, включая право на получение высшего образования, возможность распоряжаться собственным имуществом, осуществлять предпринимательскую деятельность и т.д.

Следствием перемен, произошедших на общественном и научном уровне, явилось зарождение в конце 60-х – начале 70-х годов нового направления в языкознании – феминистской критики языка. Основной целью сформировавшейся области лингвистики было выявление и исследование закрепившихся в языке патриархальных моделей, которые веками транслировала культура. Базовыми для данного периода развития феминистской лингвистики являлись, прежде всего, труды Р. Лакофф. В рамках её работы «Language and Woman's Place»² выделяются следующие признаки андроцентризма языка: употребление имён существительных мужского рода для обозначения лиц обоих полов; невозможность применения номинаций женского рода по отношению к мужчинам; отождествление понятий «человек» и «мужчина» в системе большинства языков [11]. Экспликацией указанных положений об асимметричности языка занималась и отечественная лингвистика. Так, В.В. Виноградов отмечает, что «*формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека*» [3, с. 62].

Немаловажную роль в исследованиях феминистской критики сыграла гипотеза лингвистического релятивизма, утверждённая Э. Сепиром-Уорфом,

² Лакофф, Р., «Язык и место женщины»

которая гласит, что язык является не только средством коммуникации в социуме, но он также формирует мышление индивида, вследствие чего сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка. Таким образом, был установлен следующий тезис: женщины вынуждены воспринимать действительность через призму «мужской картины мира», что во многом сопутствует и патриархальным практикам воспитания, соответствующим концепции превосходства мужчины над женщиной [5].

В качестве решения дилеммы женской субъектности активистки третьей волны феминизма, начавшейся в 1990-ые годы, выступают за необходимость обозначения женщин в системе языка. Так, ликвидация «гендерной слепоты» в отношении женщин в культурно-историческом пространстве может быть реализована двумя способами: нейтрализацией и феминизацией языковых единиц. Известно, что русский язык характеризуется ярко выраженной грамматической категорией рода, вследствие чего целесообразно исследовать путь феминизации. Данное явление способствовало появлению нового термина – «феминитив», дефиниция которого представлена в справочной литературе следующим образом: «*Феминитивы (от лат. femina – «женщина»), или феминитивы, – имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним*» [10].

В системе современного русского языка дериваты со значением женскости, фиксирующиеся как словарная норма, как правило, относятся к традиционным «женским» профессиям (*учительница, прачка, акушерка*), либо к области, где социальная группа с женской половой принадлежностью представлена в равной степени наряду с мужчинами (*ученица, спортсменка, студентка*). Ввиду того, что коррелятивные единицы могут быть асимметричными в отношении стилистики, резервуар лексем, не вызывающих языкового диссонанса, могли пополнять и феминитивы, исторически закрепившиеся со временем в речевой традиции вследствие частотности их употребления (*вахтёрша, кондукторша, кассирша*).

Выдающийся советский филолог В.В. Виноградов, исследуя формально-семантическую оппозицию феминитивов и производящей основы (существительных мужского рода со значением лица), подчёркивает, что собственное значение лица лексем женского рода не может коррелировать со значением лица безотносительно к полу [3]. Так, оно закрепляется в мотивирующей основе, а в деривате наблюдается параметр гендерной маркированности, что в очередной раз подчёркивает андроцентризм языка, родовую асимметрию.

Продолжая анализировать деривационный аспект, следует указать основные способы образования феминитивов, характерные не только для русского языка, но и многих других языков индоевропейской семьи (английский, французский). К ним относятся: аффиксация (*доктор – докторша, знахарь – знахарка*), изменение флексии (*управляющий – управляющая, заведующий – заведующая*), аналитические приемы (*женщина-врач, женщина-музыкант*). Наиболее подробно рассмотрим самый продуктивный метод – аффиксальный, так

как данный тип словообразовательной модификации являлся предметом полемики в научной и общественной среде как в процессе исторического развития феминитивов на уровне диахронии, так и на современном этапе их употребления в аспекте синхронии.

В лексической системе русского языка производные корреляты со значением женскости представлены множеством тематических групп: «Наименования лиц женского пола по национальному признаку» (*молдаванка, англичанка, россиянка*), «Наименования лиц женского пола по социальному статусу» (*крестьянка, дворянка, студентка*), «Наименования лиц женского пола по религиозной принадлежности» (*мусульманка, христианка, буддистка*), «Наименования животных женского пола» (*волчица, зайчиха, индюшка*) и др. Объектом нашего исследования является наиболее распространённая группа феминитивов: «Наименования лиц женского пола по роду деятельности» (*продащица, пилотесса, официантка, лектриса*).

Аффиксальный способ деривации номинаций лиц женского пола по профессиональной принадлежности может реализовываться посредством следующих продуктивных суффиксальных морфем: -к(а), -иц(а), -ин(я), -есс(а), -ис(а), -ш(а), -их(а). Активизацию названных суффиксов связывают преимущественно с XX веком, но продуктивность некоторых из них лингвисты отмечают и в XVIII в. (-ш(а)). Рассмотрим подробнее каждую из данных словообразовательных единиц.

Суффикс -к(а) является ключевым инструментом выражения модификационного значения женскости. Высокая продуктивность данного дериватора связана преимущественно с тем, что в родственных славянских языках он также является одним из основных для номинации женщин по профессии (болг. *мениджър-мениджърка*; польск. *adwokat – adwokatka*; укр. *лектор – лекторка*). Морф -к(а) используется после сочетаний «гласная + согласная» (парная, кроме заднеязычных), «сонорная + несонорная согласная», а также продуцирует номинации женщин от бессуффиксных или имеющих суффикс -ин основ лексем, обозначающих лиц мужского пола. К суффиксу -к(а) примыкает ряд производных суффиксов: -енк(а), -анк(а), -истк(а), -арк(а), -ачк(а), -овк(а), -ентк(а), -итк(а). Доминирующая часть образований имеет основное модификационное значение лиц женского пола, но в некоторых лексемах отмечается также и значение «жена лица, названного мотивирующим словом» (*солдатка, морячка*) [8]. Кроме того, следует отметить, что словообразовательная единица -к(а), выражающая значение женскости, вступает в омонимичные отношения с суффиксами других изолированных лексем. Таким образом, в практике живого словопроизводства следует избегать образования новых слов по модели «лицо мужского пола – лицо женского пола» с помощью форманта -к(а) при совпадении с уже существующей номинацией референта (*электрик – электричка, пилот –пилотка*). Большинство феминитивов, образованных посредством дериватора -к(а), являются стилистически нейтральными, однако Беата Новицка в своём исследовании, посвящённом функционированию данного суффикса, утверждает, что «такие образования,

как почтальонка, космонавтка, возникшие на структурно-семантической базе стилистически нейтральных слов, представляют собой стилистически сниженные лексемы, созданные в целях речевой экспрессии и с установкой на разговорную тональность» [7]. Данный словообразовательный тип является высокопродуктивным как в разговорной речи (*юристка, комбайнёрка*), так и в официальном дискурсе (*машинистка, пианистка*).

Суффикс -иц(а) употребляется после чередующихся парно-твердых согласных (кроме заднеязычных). К нему также примыкает цепь производных продуктивных суффиксов, образующих наименования лиц женского пола по профессии: -ниц(а), -щиц(а), -льщиц(а), -тельниц(а), -овщиц(а), -лиц(а). Характеризуя корреляты женскости с дериватором -иц(а) на уровне диахронии, следует отметить, что в советском пространстве 30-х годов XX века такие производные дериваты приобретали параметр стилистической маркированности и образовывали профессиональные номинации для обозначения лиц женского пола преимущественно в сфере разговорной речи [4]. Продуктивность данного типа в аспекте синхронии проявляется в образованиях, мотивированных лексемами с суффиксами -ник, -щик (*уборщик-уборщица, сапожник-сапожница*), и может обнаруживаться как в разговорном дискурсе, так и литературно-нормированном.

В системе русского языка зафиксированы три иноязычных суффикса с модификационным значением женскости: -есс(а), -ис(а), -ин(а). Формант -есс(а) начинает приобретать продуктивность в 60-е годы XX века, производя женские корреляты в большей степени от заимствованных номинаций профессий (*поэт – поэтесса, стюард – стюардесса*). Парно-твердые согласные основы мотивирующей номинации лица по роду деятельности сохраняют свою твердость перед суффиксом с модификационным значением женскости. Феминитивы со словообразовательной единицей -ис(а) мотивируются наименованиями с суффиксальными морфемами -ор, -тор, а парно-твердые согласные перед дериватором смягчаются (*актёр – актриса, директор – директриса*). Суффикс -ин(а)/-ин(я) с 60-х годов XX века является средством деривации женских коррелятов, обозначающих женщину-специалиста (*геолог – геологиня, филолог – филологиня*). Все названные словообразовательные форманты являются продуктивными в производстве феминитивов, обладающих как нейтральной, так стилистически маркированной коннотацией.

Эпоху правления Петра I связывают с генезисом суффиксальной морфемы -щ(а), которая могла служить средством для образования наименований лиц женского пола по профессиональной деятельности, в особенности, соотносительно с обозначениями лиц мужского пола на -ор, -ёр, -ир, -атор, -арь (*репортёр – репортёрша, контролёр – контролёрша*), а также выражала значение «жена лица, названного мотивирующим словом» (*профессор – профессорша, доктор – докторша*). Филологи отмечают иноязычный характер данного суффикса, так как наблюдается сочетание преимущественно с иноязычными основами, заканчивающимися на «-р», «-л», «-м», «-н», «-нт» [1]. Основная сфера употребления номинаций с данным дериватором – разговорная речь. Следует отме-

тить, что словообразовательный формант обладает двуплановой стилистической коннотацией, и, таким образом, помимо ограниченности в сфере использования феминитивов с суффиксом -ш(а), наблюдается также и эмоционально-оценочная маркированность. Сравним, например, у Достоевского: «*Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец*» (Идиот).

Активизацию суффикса -их(а) в разговорном языке лингвисты относят к старорусскому периоду. Производные субстантивы со значением лица выражают модификационное значение женскости (*сторож – сторожиха, врач – врачиха*), а также значение «жена лица, названного мотивирующим словом» (*купец – купчиха, полковник – полковничиха*). Аналогично суффиксу -ш(а), формант -их(а) обнаруживает двуплановую коннотацию, вследствие чего образованные с его помощью феминитивы употребляются в большей степени в разговорной речи и имеют пренебрежительный оттенок. Однако существуют и зафиксированные в словарях стилистически нейтральные наименования лиц женского пола по профессии (*ткач – ткачиха, повар – повариха*).

Все указанные словообразовательные единицы являются моносемантическими, так как объединены одной родовой интегральной семьей – семантическим признаком женскости.

Кроме того, важно подчеркнуть, что процессы образования феминитивов на уровне диахронии происходили неконтролируемо, вследствие чего могли быть использованы различные словообразовательные форманты для производства наименований лиц женского пола по профессии относительно одного и того же мотивирующего слова (*контролёр-контролёрша-контролёрка, санитар-санитарка-санитарница*).

Рассматривая аспект функционирования феминитивов в сопоставлении некоторых языков славянской группы (русский, чешский), некоторые лингвисты отмечают яркий дифференциальный признак узуса русского языка, а именно его свойство гетерогенности в параметре общеупотребительности наименований лиц женского пола [2]. Так, например, многие феминитивы-неологизмы, являющиеся дескрипторами рабочей среды, вызывают нарекания среди носителей языка, приводящих оспоримые аргументы эстетического и лингвистического характера в пользу своего сопротивления [1]. Однако утверждённый посредством сравнительного анализа факт о невысокой степени регулярности использования феминитивов в дискурсе русскоязычного пространства не имплицитно стимулирует стремление языка абстрагироваться от нетрадиционных словообразовательных модификаций, поскольку на современном этапе всё же наблюдается возросшая продуктивность женских коррелятов по профессиональной принадлежности. Об этом также свидетельствует основанное на данных Национального корпуса русского языка исследование З.И. Минеевой, в результате которого было выявлено, что из 100% выбранных ею номинаций по роду деятельности, не имеющих в официальном «Новейшем большом толковом словаре русского языка» производных женских коррелятов, более 55% лексем содержат эквиваленты, обозначающие женщин по профессиональной принадлежности, и являются зафиксированными в Национальном корпусе [6]. Как отмечает

украинский лингвист О.О. Тараненко, данная тенденция к языковой рефлексии обусловлена влиянием нескольких факторов: демократизация общественной жизни, национально-языковой пуризм и влияние идей гендерной лингвистики [9].

Таким образом, в результате изучения активных способов деривации наименований лиц женского пола по роду деятельности на диахронном и синхронном уровнях и их функционирования в системе русского языка, можно сделать вывод, что феминитивы являются продуктивной категорией лексики и представляют собой одно из ведущих средств реформирования языка, имплицитно коррелирующего с когнитивной базой индивида.

Библиография:

1. БЕРКУТОВА, В.В. *Феминативы в русском языке: лингвистический аспект*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskiy-aspekt.html> (дата обращения 16.03.2021).
2. БРАНДЕР, А. *Особенности выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100022/A_Linguistica_51-2003-1_3.pdf?sequence=1 (дата обращения 18.03.2021).
3. ВИНОГРАДОВ, В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / Под редакцией Г.А. Золотовой – 3-е изд., – М.: Высшая школа, 1986 - 640 с.*
4. ЗЕЛЕНИН, А. *Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939)*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://culture.wikireading.ru/67931> (дата обращения 02.03.2021).
5. ИСПОЛАТОВА, С. К. *Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы)*. М., РИК Русанова, 1998. С. 197-205.
6. МИНЕЕВА, З.И. *Корреляты мужского и женского рода в Национальном корпусе русского языка*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2013/4/Mineeva_Correlatives/32_2013_4.pdf (дата обращения 18.03.2021).
7. НОВИЦКА, Б. *Феминативы с суффиксом “-к(а)” в новой русской лексике*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://docplayer.ru/64134196-Beata-novicka-feminativy-s-suffiksom-k-a-v-novoy-russkoy-leksike-studia-rossica-posnaniensia-33-73-76.html> (дата обращения 17.03.2021).
8. *Русская грамматика*, Т. I. / Н.С. Авиладова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова, Н.Ю. Шведева // М.: Наука, 1980. – 783 с.
9. ТАРАНЕНКО, О.О., *Принцип андроцентризма в системі мовних координат і сучасний гендерний рух // Мовознавство. – 2005 – № 1. – С. 3-25.*
10. *Феминативы*. [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Феминатив> (дата обращения 02.03.2021).
11. LAKOFF, R. *Language and Woman's Place // Language in Society, Vol. 2, No. 1 (Apr., 1973), pp. 45-80*. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://web.stanford.edu/class/linguist156/Lakoff_1973.pdf (дата обращения 04.03.2021).